

Сирия: от российского присутствия к новому вакууму безопасности

Комментарий Центра АРВАК, 21.08.2026

Аннотация

АРВАК рассматривает последствия российско-сирийских договоренностей от августа 2026 года, которые радикально меняют архитектуру региональной безопасности. Сворачивание российского военного присутствия в Тартусе и Хмеймиме интерпретируется не просто как финал многолетней стратегии Москвы, но и как открытие «окна возможностей» для реализации жестких сценариев Вашингтона. Центральным элементом текущей политики США является курс на принуждение переходного правительства Ахмеда аш-Шараа к активному вовлечению в боевые действия против движения «Хезболла». АРВАК считает, что, используя устранение «российского барьера» как рычаг, Вашингтон стремится превратить Сирию в плацдарм для реализации антииранской стратегии. Подобные действия провоцируют немедленную эскалацию: жесткая реакция Тегерана, пригрозившего Дамаску нанесением ударов в случае любого участия в конфликте, превращает Сирию в арену возможного столкновения интересов региональных держав. Фактический уход России лишает республику роли «сдерживающего фактора», создавая опасный вакуум безопасности, который вместо стабилизации ведет к дальнейшей фрагментации и риску втягивания страны в большую региональную войну.

Ключевые слова: Сирия, США, «Хезболла», Россия, Иран, геополитика, региональная безопасность, Ближний Восток, Ахмед аш-Шараа, Хмеймим, Тартус, вакуум безопасности.

1. Геополитическая актуализация сирийского трека

В рамках сложной и многоаспектной геополитической игры глобальных держав на Ближнем Востоке сирийская проблематика вновь оказывается в эпицентре внимания. Начиная с лета 2025 г., процессы в Сирии и вокруг нее отчасти отошли на периферию медийного и экспертного поля, сконцентрированного преимущественно на событиях вокруг Ирана, Персидского залива и Ливана. Тем не менее в августе 2026 г. сирийский трек вновь актуализировался, что вызвано цепочкой событий, связанных с развитием регионального геополитического противостояния.

09.08.2026 г. стало известно, что после 18-месячных переговоров Дамаск и Москва смогли договориться о дальнейшей судьбе российской военной группировки в Сирии и о статусе баз в Тартусе и Хмеймиме. Вслед за этим, 11.08.2026 г., сирийский суд заочно приговорил свергнутого и бежавшего в РФ бывшего президента САР Башара Асада к смертной казни «за преступления против человечности и военные преступления», совершенные в ходе конфликта в Сирии, продолжавшегося 14 лет и унесшего жизни около полумиллиона человек. Спустя всего 2 дня, 13.08.2026 г., Тегеран через посредников проинформировал власти в Дамаске и лично временного президента Ахмеда аш-Шараа, что попытки Сирии вмешаться в ливанские дела и выступить против «Хезболлы» приведут к масштабному конфликту на сирийской территории. Командование КСИР заявило о готовности нанести ракетные удары по более чем 100 идентифицированным объектам на территории САР, включая резиденцию президента в Дамаске. Аналогичные предостережения иранские силовые структуры адресовали ОАЭ, Саудовской Аравии и Турции. Тем не менее ключевым адресатом угрозы остается Сирия: ее опрометчивые шаги, как подчеркнули в Тегеране, обернутся разрушительными последствиями для государства и его обновленного руководства.

2. Американская стратегия «принуждения» и реакция Тегерана

Происходящие с интервалом менее недели события явно взаимосвязаны и указывают на то, что Дамаск столкнулся с возобновившимся давлением Вашингтона, требующего от сирийского руководства более активного вовлечения в региональное противостояние. Ранее сирийские власти уклонялись от этого, аргументируя свою позицию хрупкой ситуацией в сфере безопасности, незавершенной интеграцией курдской автономии Рожавы, рисками реванша со стороны сторонников Асада и неясным статусом российского военного присутствия. В текущей конфигурации переходному правительству транслируется сигнал о том, что ключевые препятствия практически устранены на приемлемых для Ахмеда аш-Шараа условиях, а значит, от него ожидают четкой демонстрации лояльности США. Именно это побудило Тегеран выступить с прямыми предупреждениями и угрозами в адрес сирийского руководства.

По мнению ряда экспертов, именно США сыграли ключевую роль в том, чтобы заставить курдское руководство Рожавы принять суверенитет Дамаска и фактически ликвидировать самопровозглашенную автономию. Выполняя условия по выводу своих сил с северо-востока САР, Вашингтон к 16.04.2026 г. практически полностью завершил этот процесс, передав свою последнюю базу «Касрак» под контроль так называемой *«Новой сирийской армии»*. Некоторые независимые американские аналитики полагают, что столкнувшись с первыми неудачами курдских отрядов SDF, США *«усомнились в целесообразности своего военного присутствия в регионе»*. Тем не менее Вашингтон предпочел выгодным образом *«продать»* Дамаску уже принятое решение об уходе, взамен добившись от Ахмеда аш-Шараа обязательств сохранять лояльность американским интересам и действовать в рамках антииранской стратегии США.

3. Новая конфигурация интересов: роли Турции и Израиля

В свою очередь, Турция, преследующая собственные цели в Сирии, подтолкнула временного президента согласиться на американские условия. При этом Анкара подчеркнула, что курдский вопрос – лишь одно из препятствий на пути к воссозданию единого государства. Для полноценного участия Дамаска в реализации американских планов, по мнению турецкой стороны, необходимо также урегулировать вопрос о будущем российского контингента и российско-сирийских связей (особенно с учетом укрывательства Асада Москвой) и прояснить намерения Тель-Авива. Последний после падения прежнего сирийского режима официально объявил Голанские высоты неотъемлемой территорией Израиля и продвинул *«зону безопасности»* до подступов к Дамаску. Акцентирование внимания на данных факторах предоставило сирийскому руководству широкие возможности для маневра: Дамаск сумел без существенных потерь ликвидировать проблему Рожавы и вернуть контроль над ключевыми месторождениями нефти, одновременно сохранив предлог для затягивания активного участия в американских региональных инициативах.

Примечательным свидетельством этого процесса является тот факт, что вопрос о вовлечении обновленной сирийской армии в боевые действия против ливанского движения «Хезболла» первоначально обсуждался на закрытой американо-сирийской встрече еще в 2025 г. Впоследствии, 16.06.2026 г. на саммите G7, президент США Д. Трамп публично

озвучил эту инициативу, призвав сирийское руководство «добить «Хезболлу»» и заявив, что группировка якобы недееспособна перед сирийскими силами. На эти слова оперативно отреагировал Ахмед аш-Шараа, подчеркнув, что «Сирия не намерена втягиваться в чужой конфликт», а также указав, что подобные шаги способны подорвать стабильность внутри самой страны, где до сих пор сохраняется множество неразрешенных острых проблем.

Подобная аргументация, по всей видимости, выдвигалась Дамаском еще в 2025 году. Тогда Вашингтон пытался склонить сирийские власти к прямому содействию американо-израильскому альянсу в противостоянии с ливанской шиитской группировкой, предлагая взамен отмену санкционного режима эпохи Башара Асада, доступ к месторождениям нефти в бассейне Евфрата и прекращение поддержки курдов. Сирийское руководство умело уклонялось от требований, ссылаясь на внутреннюю нестабильность и незавершенность непростых переговоров с Москвой. В Дамаске подчеркивали, что военная кампания против «Хезболлы» без четких договоренностей по статусу российских военных объектов станет крайне опасной авантюрой. Вполне логично, что после урегулирования вопросов, связанных с Тартусом и Хмеймимом, США повторно подняли тему действий против «Хезболлы». Понимая неизбежность новых запросов со стороны Вашингтона к сирийской стороне, Тегеран сыграл на опережение и выступил с прямыми предупреждениями.

4. Эрозия российско-турецких отношений как катализатор сделки

Учитывая эти обстоятельства, возникает закономерный вопрос: по какой причине Дамаск, прежде успешно затягивавший диалог под предлогом риска реванша шиитских группировок и неопределенности вокруг российских военных объектов, отказался от дальнейшего маневрирования? Почему сирийское руководство решило заключить договор с Москвой на максимально невыгодных для себя условиях, фактически устранив последние барьеры на пути к столкновению с «Хезболлой»? По всей видимости, ключевым фактором стало нарастание напряженности между Россией и Турцией из-за событий в Черноморском регионе, а именно – категорический отказ Москвы поддержать выдвинутую Анкарой инициативу о приостановке атак на торговые суда по аналогии с «зерновой сделкой» 2022–2023 гг. Эти противоречия заметно обострились 15.08.2025 г., когда Российская Федерация открыто заявила о передаче Турцией летального вооружения Украине и указала на иные враждебные действия Анкары, «камуфлируемые миротворческой риторикой».

Определить истинного инициатора витка напряженности между Москвой и Анкарой довольно сложно. Впрочем, с высокой долей вероятности можно утверждать, что текущее обострение прямо связано с договоренностями РФ и Сирии, учитывая как сильное воздействие Турции на временные власти в Дамаске, так и критическую зависимость логистики базирующейся в Тартусе российской Средиземноморской эскадры от контроля над турецкими проливами.

На фоне нарастающих трений с турецкой стороной Кремль, по всей видимости, решил форсировать диалог с Дамаском, тянувшийся полтора года, чтобы зафиксировать хотя бы минимально возможный результат, оформленный в итоговом соглашении. Достигнутый компромисс изначально не отвечает амбициям России. Однако в сложившихся реалиях это едва ли не единственный способ предотвратить полную утрату влияния, сберечь хотя бы

видимость военного присутствия на Ближнем Востоке и нивелировать репутационный урон, вызванный как крахом поддерживаемых Москвой сил в САР, так и растратой значительных ресурсов, направлявшихся с 2015 г. на защиту ее «ближневосточных интересов».

В данном контексте весьма показательно, что жесткость российской риторики в адрес Анкары возросла именно после оформления сделки с Дамаском. Это может указывать на то, что Москва почувствовала обретение плацдарма в Сирии, позволяющего действовать смелее или создавать иллюзию уверенности в непростом диалоге с турецкими партнерами.

5. Трансформация российского военного присутствия: от баз к тренировочным центрам

Какова реальная отдача от соглашения с временным правительством САР для России, рассчитывающей удерживать хотя бы минимальные рычаги военно-политического влияния в республике, остается открытым вопросом. Официальная Москва избегает публичного обсуждения деталей сделки, не раскрывая параметров договоренностей. Первым о заключении соглашения 09.08.2026 г. объявило сирийское государственное агентство SANA, ставшее ключевым источником сведений о неподтвержденных деталях документа. По его данным, меморандум о взаимопонимании обязывает стороны в 3-месячный срок трансформировать российские объекты в Хмеймиме и Тартусе в «совместные тренировочные центры», передав гражданскую инфраструктуру обеих баз под юрисдикцию Дамаска. В частности, под управление сирийской стороны отходит один из двух причалов ВМБ в Тартусе, ранее находившихся в распоряжении ВМФ РФ.

Характерно, что договоренность по объекту в Тартусе была достигнута задолго до окончательного подписания итогового пакета соглашений. По данным агентства *Reuters*, ссылавшегося на информированные источники еще в июле 2026 г., Москва и Дамаск уже тогда согласовали передачу одного из пирсов базы ВМФ в распоряжение властей САР для «коммерческого использования». На этом требовании лично настаивал президент Ахмед аш-Шараа во время январского визита в Москву и переговоров с Владимиром Путиным. Это свидетельствует о том, что ключевым предметом дискуссий в последующие месяцы оставалось дальнейшее предназначение авиабазы Хмеймим.

Новое сирийское руководство решило пересмотреть российско-сирийские договоренности по объектам в Тартусе и Хмеймиме еще в декабре 2024 г. – непосредственно после захвата столицы силами ХТШ и эвакуации семьи Башара Асада в РФ. Тогда же Дамаск аннулировал соглашение с российской компанией «Стройтрансгаз» о модернизации тартусского порта, намереваясь передать эти функции эмиратскому оператору *DW Shipping*, и направил уведомление о намерении закрыть авиабазу Хмеймим. В ответ весной 2025 г. ВВС РФ приостановили полеты с базы Хмеймим, а Минобороны России заявило о подготовке к выводу контингента и техники на родину. Тем не менее с октября 2025 г. Дамаск разрешил частично возобновить работу базы. Кроме того, накануне операции в Рожаве сирийская сторона одобрила передислокацию в Хмеймим части российской военной техники из аэродрома Эль-Камышлы. Данный процесс стартовал в январе 2026 г. и совпал с визитом Ахмеда аш-Шараа в Москву, где он подтвердил В. Путину обязательства Сирии соблюдать ранее достигнутые договоренности.

Впрочем, после перезапуска объекта осенью 2025 г. и вплоть до августа 2026 г. формат присутствия ВС РФ коренным образом изменился. Контингент и объем техники подверглись существенному сокращению, а полноценная ударная авиагруппа была в полном составе выведена на территорию России. В Хмеймиме сохранились лишь узлы связи, гарнизон охраны, системы мониторинга воздушного пространства и комплексы ПВО ближнего и среднего радиуса действия. Инфраструктура аэродрома стала применяться преимущественно военно-транспортной авиацией ВВС РФ, превратив Хмеймим в ключевой логистический хаб для транспортировки военных грузов в государства Африки.

Для сравнения, по сведениям западных аналитических центров, на пике расширенного военного присутствия в САР российский контингент насчитывал до 10 тысяч человек. Воздушная группировка в Хмеймиме включала самолеты *Су-24*, *Су-25*, *Су-34* и *Су-35*, вертолеты *Ми-24*, *Ми-35* и военно-транспортную авиацию. Базу защищали передовые системы противовоздушной обороны, включая комплексы *С-300*, *С-400* и системы «Панцирь». К концу 2024 г. российский контингент в Сирии уже был значительно сокращен на фоне военной кампании в Украине. В частности, по оценкам польского центра восточных исследований (OSW), он составлял около 4000 военнослужащих, из которых порядка 3000 были сосредоточены в Хмеймиме и на других российских аэродромах и опорных пунктах по всей Сирии. После падения режима Асада РФ в срочном порядке сосредоточила все оставшиеся в стране силы и технику в Тартусе и Хмеймиме, после чего осуществила значительный вывод личного состава и вооружений по морю и воздуху. По данным *The Wall Street Journal* со ссылкой на разведданные США, по состоянию на июнь 2026 г. остаточное российское военное присутствие составляло лишь несколько сотен человек, а основные системы вооружения из Сирии и, в частности, с авиабазы Хмеймим, уже были вывезены.

Если к уже введенным ограничениям режима работы и боевого применения базы прибавить обязательства РФ по меморандуму, то Хмеймим полностью теряет свою стратегическую значимость. Его главным активом в контексте баланса региональной безопасности были не самолеты, а системы слежения и мониторинга сирийского неба и воздушного пространства сопредельных с САР государств. По данным российских источников, после переброски в Ливию и Россию батарей *С-300* и *С-400* возможности российской группировки в Хмеймиме по контролю над сирийским небом значительно сократились. После же выполнения всех требований меморандума база, очевидно, прекратит выполнять и эту ключевую функцию – за российской стороной «сохранятся лишь минимальные логистические опции, исключая масштабный военный контроль воздушного пространства».

6. «Вакуум безопасности» и риски большой региональной войны

Судя по всему, именно данный фактор выступает главным драйвером трансформации региональной расстановки сил на фоне заключения российско-сирийского «Меморандума о взаимопонимании». В результате сирийское воздушное пространство останется фактически незащищенным, при этом реальные сценарии заполнения этого вакуума в обозримой перспективе отсутствуют.

Не обладая собственными комплексами ПВО среднего и дальнего действия, Дамаск лишен возможности самостоятельно и эффективно контролировать национальное

воздушное пространство. Попытки Анкары сформировать совместную с сирийскими властями эшелонированную систему противовоздушной обороны под турецким руководством систематически пресекаются превентивными действиями Израиля. В очередной раз это проявилось в середине августа 2026 г., когда израильские ВВС атаковали сирийские аэродромы, где Турция, предположительно, совместно с местными силами предпринимала шаги по развёртыванию средств радиолокационного наблюдения и созданию авиационных подразделений. Параллельно с этим установлению чьего-либо контроля над сирийским небом активно противодействует Тегеран, заинтересованный в сохранении беспрепятственного прохода через воздушные коридоры Ирака и Сирии для нанесения ударов по израильской территории.

В итоге возникает предельно запутанная и неоднозначная обстановка, анализ которой затрудняет экспертам прогнозирование последствий фактической нивелировки роли России для сирийского государства. Хотя военное присутствие РФ на территории Сирии могло восприниматься ключевыми игроками на региональном и международном уровнях как деструктивный элемент, оно – в особенности после смещения режима Асада – одновременно выполняло функцию сдерживания. Это присутствие во многом предотвращало как эскалацию между Турцией и Израилем, так и, к примеру, возобновление длительного гражданского конфликта между суннитами, поддерживающими правительство в Дамаске, и проасадовским алавитским сообществом.

Низведение российского влияния до чисто символического акта, о чем свидетельствует содержание меморандума, способно окончательно разрушить и без того нестабильный баланс сил. Риски включают вероятность непосредственных турецко-израильских столкновений за господство в сирийском небе, продвигаемую Соединёнными Штатами инициативу вторжения «Новой сирийской армии» в Ливан (рассчитанную, по-видимому, на провоцирование столкновения между Анкарой и Тегераном), а также ракетные атаки Ирана по сирийским объектам.

Прямое и косвенное вмешательство многочисленных внешних сил существенно препятствовало установлению стабильности в стране. Тем не менее парадоксальным образом именно присутствие России – наиболее чуждое сирийскому обществу в историко-цивилизационном измерении и наиболее антагонистичное курсу нового руководства – во многом выступало скрепой, удерживавшей хрупкое равновесие в арабской республике.

Хотя на первый взгляд Москва и кажется проигравшей в этой «сирийской партии» – удержав лишь символический статус военного партнера без реальных механизмов влияния на Дамаск и вынужденная ради имиджа «надежного союзника» укрывать «свергнутого диктатора», заочно приговоренного на родине к высшей мере наказания, – ее фактический уход способен запустить цепочку новых региональных конфликтов. И последствия этого витка эскалации могут оказаться значительно более разрушительными как для самой Сирии, так и для внешних игроков, способствовавших краху 11-летней ближневосточной стратегии Кремля.